

Гу Линчжи только поднялся на сцену, как внизу раздался дружный смех.

— Ха-ха-ха, откуда этот малыш? У него еще и пушок на лице не вырос, а он приперся сюда! Шел бы домой соску сосать, а то ведь расплатится, когда проиграет!

Гу Линчжи мысленно холодно усмехнулся, думая, что многие из подначивающих снизу наверняка моложе его настоящего возраста. Тем не менее, на лице его по-прежнему играла наивная и беззаботная улыбка, а два маленьких клыка обнажались с предельной искренностью.

В первом раунде — словесном состязании — их результаты оказались примерно равны. В конце концов, Гу Линчжи просто много читала, а если бы ее заставили самой сочинять стихи или рисовать, она была бы лишь дилетанткой, способной справиться лишь кое-как.

Когда настал черед второго раунда, Шу Юань вытащил свой меч и сделал жест, приглашая Гу Линчжи к бою. Гу Линчжи огляделась по сторонам, и её взгляд в конце концов упал на Цинь Фэна:

— Старший брат, одолжи мне свой Чипо!

Лицо Шу Юаня слегка скривилось. Оружие каждого культиватора изготавливалось по индивидуальному заказу и подходило ему идеально. За исключением некоторых передаваемых по наследству древних артефактов, за которыми люди охотились и которые отнимали друг у друга, чужим оружием практически никто не пользовался. Разве что для того, чтобы показать: мол, чем ни сражайся, а противника одолеешь с легкостью.

Гу Линчжи ведет себя слишком дерзко.

Таковы были мысли всех присутствующих.

Однако Гу Линчжи в данном случае была глубоко несправедлива. Она вступила в секту всего около двух лет назад, да к тому же была слишком мала, поэтому наставник не придал этому значения и попросту забыл озаботиться поиском меча для нее. У нее банально не было собственного оружия!

Цинь Фэн в тревоге бросил Гу Линчжи свой меч Чипо, твердо решив: если этот паренек в синих одеждах на сцене посмеет обидеть младшего соученика, он во что бы то ни стало поднимется туда и заставит его ответить!

Получив меч Чипо, Гу Линчжи небрежно взмахнула им, чтобы привыкнуть к весу, а затем отвесила Шу Юаню поклон и перешла в наступление.

Ранее Шу Юань был разозлен, а потому действовал излишне поспешно в погоне за выгодой,

нанося удары жестко и безжалостно. В итоге Гу Линчжи, пользуясь своим маленьким ростом и легкостью, заскользила по арене, словно юркая рыбешка, и извела немало сил Шу Юаня.

Видя, что Гу Линчжи лишь безостановочно уворачивается, Шу Юань решил, что этот парень, как и его второй старший брат, всего лишь показушник, и оттого стал еще сильнее пренебрегать противником.

На самом деле Гу Линчжи вовсе не только уклонялась — она просто изучала и оценивала приемы соперника.

Согласно записям в книгах, на начальном этапе владение мечом секты Цяньгэ сулит бесчисленные изменения и непревзойденный боевой дух, но при этом отнимает колоссальное количество сил. Спустя определенное время запястья неизбежно начинают уставать, и удержать меч становится тяжело.

Улучив подходящий момент, Гу Линчжи резко отступила назад. Сначала она сделала обманный выпад с помощью техники Меч Спасенного Мира, а следом неожиданно применила технику меча самого противника. В мгновение ока тени от клинков переплелись так хаотично, что соперник не успел среагировать, как острие меча Гу Линчжи уже уперлось в запястье Шу Юаня. Отработав движением наотмашь, она подбросила его оружие, и меч Шу Юаня с громким звоном рухнул на землю.

— Благодарю за уступку! — Гу Линчжи пригладила растрепавшиеся пряди и исподтишка утерла пот — всё-таки это был ее первый настоящий бой с противником, волнение неизбежно давало о себе знать, но, к счастью, опозориться не довелось.

Стоило Гу Линчжи сойти со сцены, как Шэнь Цю отвел ее в сторону:

— Лин-чжи, наставник знает, что ты умен и схватываешь всё на лету. Но твоя база слаба, основы собственной секты ты еще толком не постиг, а уже хватаешься за всякую всячину чужих направлений! То, что ты сегодня победил, в огромной степени заслуга простой удачи. Впредь, сталкиваясь с подобным, ни в коем случае не геройствуй, вернись — займись как следует тренировками...

Однако переполненный восторга Гу Линчжи, который не терпелось похвастаться перед Ци Янем, совершенно не слушал долгих наставлений Шэнь Цю. Твердя на ходу: «Знаю-знаю», он бросил наставника и убежал.

Шэнь Цю тяжело вздохнул: этот ребенок рано или поздно обожжется, но сколько еще лет он сможет за ними приглядывать?

Трехдневное собрание по толкованию канонов подходило к концу, и все ученики собирали вещи, готовясь к обратной дороге.

За эти три дня трусливая натура Ци Яня и несравненный талант Гу Линчжи разнеслись по половине мира заклинателей.

Цинь Фэн не отметился ничем выдающимся, но и не опозорился: он провел вполне заурядный поединок с учеником Секты Пяти Элементов и одержал победу с минимальным перевесом.

И вот процессия вновь шумно и многолюдно двинулась в путь обратно к горе.

По дороге у Гу Линчжи появился еще один дармовой младший соученик. Это заставило Гу Линчжи заподозрить, что двух его старших братьев в свое время тоже где-то подобрали — этот наставник подбирал себе учеников уж слишком легкомысленно. На обратном пути они встретили пятнадцати-шестнадцатилетнего юношу, который лежал на обочине с плетеной корзиной для лекарственных трав за спиной и грелся на солнышке.

Парень был сиротой: раньше он учился у старого лекаря, но тот состарился и скончался, так что теперь юноша сам ходил в горы за лекарственными травами, чтобы продавать их и зарабатывать на еду.

Стоило Шэнь Цю увидеть этого оборванного паренька, на котором не было и следа бессмертной кости, как он подбежал к нему и выпалил: Я вижу, у тебя есть предрасположенность к бессмертию, как насчет того, чтобы подняться со мной на гору и заняться самосовершенствованием?

Так Жун Цяньюй и пошел вместе с ними. Хотя он был старше Гу Линчжи, но вступил в секту позже, а потому ему все равно приходилось почтительно звать того старшим соратником.

С тех пор как появился Жун Цяньюй, Гу Линчжи на удивление сильно остепенился. Хотя он все еще оставался прежним баловником, всякий раз, когда кто-нибудь называл его старшим соратником, в его сердце само собой зарождалось чувство гордости, ответственности и долга, поэтому всяких озорных и дурацких выходок с его стороны стало намного меньше.

Если среди них четверых Цинь Фэн был самым рассудительным, Ци Янь — самым красивым, а Гу Линчжи — самым смышленным, то Жун Цяньюй оказался самым ленивым.

Он вечно находил уйму невообразимых для обычного человека способов увильнуть от работы и доходил до такого безумия, что проложил вдоль бамбуковых трубок целую систему простейших механизмов прямо от колодца до изголовья своей кровати. Стоило ему дернуть за веревку лежа на постели, как вода по трубам бежала прямо к нему в рот.

Обычных книг он почти не читал, мастерство совершенствования усердно не оттачивал и при любой возможности тайком ускользал на теплый южный склон Горы Цаньюнь, чтобы погреться на солнышке и сладко поспать.

В свободное время он любил возиться со всякими механизмами и скрытым оружием, за что наставник то и дело бранил его, говоря, что эти мелкие фокусы недостойны серьезного внимания. Впрочем, особо он его не ограничивал, позволяя возиться с этим сколько душе угодно.

Поэтому у Ци Яня появился еще один объект для бесконечных сравнений: пусть я и не столь трудолюбив, как старший соратник, и не так умен, как третий соратник, но зато я куда лучше

этого новоприбывшего четвертого соратника! К тому же четвертый соратник выглядел заурядно, был немногословен и вдобавок ни у кого не вызывал раздражения. Можно сказать, что Ци Янь остался чрезвычайно доволен появлением такого соратника.

Спустя некоторое время Шэнь Цю предупредил учеников, что ему нужно отлучиться на некоторое время, велел им как следует охранять врата секты, усердно тренироваться, а в случае чего обращаться к старшему соратнику.

Стоило наставнику уйти, как четверо младших учеников пустились во все тяжкие, словно сорвавшиеся с привязи дикие лошади. Точнее говоря — трое, поскольку Цинь Фэн, будучи старшим соратником, отличался слишком уж суровым и скучным нравом.

Поначалу Гу Линчжи и Ци Янь подначивали младшего соратника Жун Цяньюя на всякие глупые проказы, наконец-то заставив этого угрюмого паренька произнести чуть больше слов, но со временем и им это надоело, так что все трое целыми днями резались в бумажные карты в комнатах. Позже, после долгих уговоров и мольбы со стороны трех соратников, Цинь Фэн тоже в конце концов присоединился к компании картежников. Однажды они играли целых три дня и три ночи напролет, пока Ци Янь наконец не смог вынести запах собственного тела и не отправился как следует отмыться и выспаться.

В итоге, вернувшись, Шэнь Цю застал следующую картину: все четыре его любимых ученика с синяками под глазами, бледными лицами и топорщащейся щетиной столпились в главном зале и играли в бумажные карты!

Услышав шум, все четверо в испуге вскочили на ноги. Они уже собирались выдумать какое-нибудь оправдание тому, почему они тут все вместе собрались, но не успели состряпать причину, как их внимание привлекла малышка, которую наставник прижимал к груди.

— Наставник, неужели у тебя настолько не хватает учеников, что ты даже похитил чужую девчужку прямо из пеленок? — первым подбежал Гу Линчжи, чтобы разглядеть крошечную девочку.

Цинь Фэн тоже подошел ближе:

— Наставник, разве в нашей секте издавна не было заведено не принимать учениц-женщин?

— Ее мне доверил один старый друг. Я посмотрел на этого ребенка — и впрямь сообразительная и милая, мне не захотелось передавать ее кому-то еще, так что я сделаю исключение. С этого момента она — ваша младшая соратница.

Услышав гул со стороны толпившихся вокруг и перебивавших друг друга людей, младенец в пеленках проснулся и уставился на них пару влажных глаз.

— Ой, только посмотрите, у младшей соратницы глаза синие! — восторженно завопил Гу Линчжи, и все пододвинулись еще ближе.

Малышка поглядела налево, потом направо, увидела множество огромных лиц, обращенных к ней, и громко заревела: — Уа!